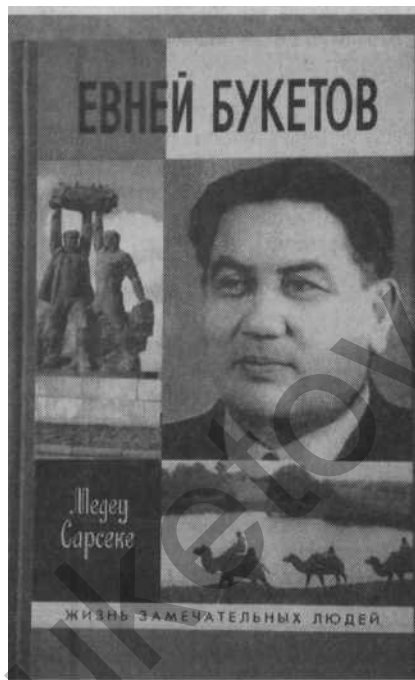

Моос, О.

Шесть писем от друзей [В музее академика Е.А.Букетова в университете, носящем его имя, собрались его ученики и близкие люди, чтобы поговорить о нем] / О. Моос // Индустриальная Караганда. - 2010. - 23 февраля (№ 21)

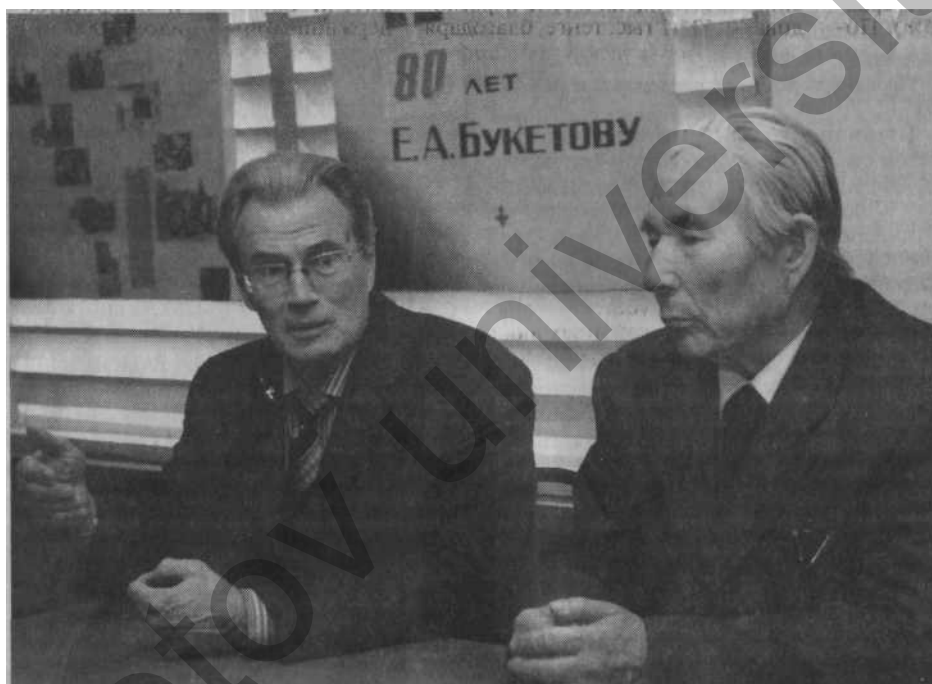
В музее академика Е.А. Букетова в университете, носящем его имя, собрались его ученики и близкие люди, чтобы поговорить о нем. “Чтобы вспомнить”, - думалось мне. В голове множились вопросы. Для начала самый простой и естественный, чтобы, как говорится, сломать лед - о первой встрече с Букетовым, первом впечатлении от личного знакомства с крупным ученым. Наверняка моим собеседникам придут на ум нетипичные случаи, учитывая яркую индивидуальность героя, все это добавит штрихи и краски. Затем мы плавно достигнем модной “актуализации”, завершив беседу сегодняшним значением наследия Евнея Букетова. Предвкушались живая беседа и живой материал в газете.

Но “оживлять” академика Букетова мне не понадобилось. На мой вопрос о самой первой встрече Виталий Малышев ответил просто: “А я с ним продолжаю встречаться и, как будто в первый раз, говорю с ним до сих пор”. Никакой мистики - само собой, разговор ведется в мыслях. Его преданным ученикам такой диалог необходим, настолько не хватает Учителя. И не только им его не хватает. Встретиться с Евнеем Арстановичем Букетовым может каждый. Достаточно открыть его автобиографическую повесть “Шесть писем другу”, как это сделала я (к стыду своему признаюсь, впервые) - и будет встреча, и он вам сам расскажет о себе. Признаться, хотелось процитировать эти записки здесь, тем более что они легко образовали бы своеобразный диалог с воспоминаниями его учеников, тем более что

написаны они великолепно. Искренне советую прочесть эти письма. Беседовать с людьми, бережно хранящими воспоминания о десятилетиях, пройденных рядом с гением, можно бесконечно. И это будет бесконечно актуальный разговор. Но приходится ограничивать время рамками газетного пространства, поэтому здесь вы найдете ответы только на пару-тройку вопросов о непреходящем значении научных трудов, принципов руководителя, заповедей Евнея Букетова. Живая беседа, почти стенограмма вечера воспоминаний в музее, с одним только отступлением, условно поделена на шесть посланий от друзей.

1. Назад в будущее

Виталий Павлович Малышев, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии Казахстана и премии им. Е.А. Букетова: - В чем значение Евнея Арстановича сегодня? Скажем, вот такое дело - система подготовки наших талантливых молодых людей по программе “Болашак”. Обучение за границей приобрело массовый характер, на нее тратятся большие деньги, но оно не достигает своих целей. Можете вы мне назвать хоть одного, чтобы он, вернувшись, привез оттуда, где учился, что-то новенькое? Обосновал какое-то научное направление, школу научную? Они все занимают административные должности, хорошо устроились. Почему это произошло? Ведь цель-то была благая: поднять мировой уровень нашей науки. Ответ простой: а потому что посылает людей система, а не какой-то большой ученый. Вот если бы этот большой ученый поручился своим именем: “Я посылаю его, я его рекомендую, я его знаю, из него получится толк”, вот тогда это работало бы. А Евней Арстанович обосновал на пустом месте здесь, в Караганде, в 1958 году, систему “Болашак”. Он посылал молодых специалистов в Московский

государственный университет - тоже мировой центр, и не надо было учить английский язык. Он сам их туда привозил, сам устанавливал контакты и сам наблюдал за каждым. И получилась школа, получилось научное направление в химии: технология халькогенов и халькогенидов. Десятки, сотни людей прошли эту школу, школу самого высокого научного уровня. Так что “Болашак” в Караганде в Химико-Металлургическом институте начинался с Евнея Арстановича, причем именно как эффективная система. Большие ученые нужны в качестве поручителей, если прибегнуть к юридической терминологии. А на самом деле это учитель. Самое главное, что большой ученый способен разглядеть родственную душу, угадать, кто это такой: пронира или человек, преданный науке, человек с таким горячим интересом, что, куда его ни пошли, он все оттуда возьмет. Евней Арстанович именно был тем большим человеком, который сформировал будущее, которое мы сегодня имеем. Вот Болат Конурович - яркий пример, и защищался в МГУ.

2. От благодарных учеников

Болат Конурович Касенов - доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки Казахстана:
- Вспоминаю, как он носился с нами, своими учениками. В институт приехал академик Сулейменов, тогда ректор Чимкентского технологического института. Евней Арстанович взял меня, аспиранта, под руки и познакомил с академиком. Это была большая честь, так демонстрировалась высшая степень уважения к ученикам с его стороны. А в 1979 году я сопровождал Евнея Арстановича в Академию наук Киргизской ССР. Я волновался, впервые сопровождал... Это было выездное заседание докторского совета, приехали ученые из Москвы, Ленинграда, Казани. Тогда докторского совета ни в Казахстане, ни в Киргизии не было. Перед поездкой Евней Арстанович сказал мне: “Захвати свои плакаты для докторской диссертации - так, на всякий случай”. Он переговорил с директором, и мне устроили доклад. До докторской диссертации, без подготовки! “Не волнуйся”, - сказал Евней Арстанович. Было бурное обсуждение, словом, я прошел хорошую апробацию. Это был так называемый “черный коллоквиум”, пройти который бывает важнее, чем саму защиту. Через год я поехал на защиту, естественно, он всю диссертацию заново пересмотрел, все позиции. На протяжении всех двенадцати лет, которые я с ним работал, до декабря 1983 года, вокруг Евнея Арстановича были люди науки, творческие люди. Случайных среди них не было. Он воспитывал своих учеников и весь научный коллектив ХМИ, где работало 530 человек, в духе преданности науке. И наказывал строго.

Коялы Аяпбергенович Аяпбергенов, доктор химических наук, профессор: - У меня есть пример в поддержку этих слов. Один наш научный сотрудник поставил несколько экспериментов, получил определенные результаты, по-своему их обработал. И представил по просьбе Евнея

Арстановича эти результаты ему. Евней Арстанович не так просто рассматривает, он всегда хочет вникнуть глубже. И вот он обнаруживает некоторые подделки - это бывает у несерьезных ученых, когда результат подгоняют под нужный. Должна получиться определенная закономерность, а она где-то нарушена. Евней Арстанович и поймал на этом горемыку. Спрашивает: “Как ты получил это?” - а тот не знает. Признался, что сам добавил, взял с потолка. Как только Букетов это обнаружил, тут же выгнал с работы этого “ученого”.

3. По-отцовски

Кенжебек Тусупович Рустенбеков - доктор химических наук, профессор, преподаватель КарГУ: - Я помню все его наставления. Первое было такое. Евней Арстанович сказал: “Знаешь, прежде чем нашей наукой заниматься, надо в общем овладеть аналитической работой. Надо уметь анализировать металлургическое, химическое сырье, концентраты и другие материалы”. В течение двух месяцев я этим занимался в аналитической лаборатории, хотя не был ее сотрудником. И второе, он сказал: “Фундаментальные знания - это нужно, но требуется что-нибудь прикладное”. То есть ученый должен знать производство. Благодаря ему я все медные производства СССР обошел в короткое время, изучил полупромышленные и опытно-промышленные станции Балхаша, Жезказгана, Арнау под Ташкентом, под Свердловском. И это мне помогает до сих пор. Когда речь заходит о технологии, я могу говорить с инженерами сколько угодно и со знанием дела. Увы, нынешние молодые не хотят этим заниматься.

Он очень любил своих учеников. Например, когда отмечали его пятидесятилетие, мы пришли, а мест уже нет - конференц-зал был небольшой. Не пускают. Мы заглянули в дверь, он нас увидел и позвал. В первый день отмечали только узким кругом, он не приглашал многих, но аспиранты, сказал, пусть войдут, именно в первый день. Он интересовался, как мы живем, нашими домашними делами, бытом и семьей. Он считал, что если у человека все хорошо на личном фронте, то он полон энергии и готов полностью посвятить себя работе. Даже когда он себя неважно чувствовал, а в последние годы это случалось все чаще, он никогда не отказывал в приеме молодым ученикам. Относился к нам действительно по-отцовски. А студентам умудрялся объяснять сложные вещи очень просто, доступным языком.

4. Казахский Ломоносов

Таисия Тимофеевна Савченко, доктор филологических наук, профессор: - Когда Евней Арстанович пришел в университет и оказался в среде гуманитариев, а не химиков, он и в себе, мне кажется, развивал литературное, художественное творчество и нас подвигнул на этот рост.

Был руководителем, не боявшимся рисковать, проницательным, способным разглядеть творческого человека. Многие из нас в те годы далеки были от кандидатских, докторских степеней, но Евней Арстанович всегда знал, что может вырасти из молодого человека. Так он сумел разглядеть и поставить на этот путь Светлану Алексеевну Матяш. Причем здесь он проявил и противоречие своего характера, и крупность свою. Однажды, через два дня после того, как Светлана Алексеевна отправилась в командировку в Ленинград, выяснилось, что он давал ей какие-то поручения, а она не успела их завершить до своего отъезда. Он был так гневен! Он собрал всех, кто работал в этом корпусе, в актовом зале и прочитал приказ, где вынес выговор за невыполнение поручения. Это было очень поучительно - мы стали понимать, как надо относиться к поручениям ректора, как обязательно их выполнять. Но последствия были удивительные. Когда Светлане Алексеевне сообщили о грозе, разразившейся после ее отъезда, она написала письмо Евнею Арстановичу, объясняя обстоятельства. Евней Арстанович ответил ей письмом, завязалась переписка... После этого такие близкие, дружеские, творческие связи установились! Светлана Алексеевна стала одним из близких его советников в области филологии. Вот эту противоречивость и цельность природы он часто демонстрировал в общении с нами. В его писательском кругозоре и литературном даре довелось убедиться и мне. Я зашла к нему накануне отъезда на защиту диссертации, чтобы подписать командировочное удостоверение. Узнав, что моя тема - ранний Заболоцкий, Евней Арстанович стал цитировать его стихи. Я поразилась, ведь несколько лет посвятила изучению творчества поэта, более того, оно было ранее неизвестно. Конечно, Заболоцкий был в Караганде, и, может быть, поэтому Евней Арстанович обратил внимание на этого поэта. Но то, что он - химик, пусть с писательским интересом и дарованием, знал такие

тонкие вещи, известные только специалистам, поражало и удивляло. И все же, признаюсь, поначалу мы, специалисты, с некоторым высокомерием отнеслись к его статье “Пушкин и Маяковский”, она была опубликована в двух номерах “Индустриальной Караганды”, недоумевали: зачем Евней Арстанович это делает? Потом, время спустя, я осознала, что здесь был полет мысли, а тогда это казалось нам, ученым, скрупулезно обосновывавшим выводы, искавшим источники, несколько поверхностным. Уже потом мы учились эти вещи соотносить и оценивать. Мы понимали, что он - казахский Ломоносов, чувствовали, насколько он разностороннее нас, исследующих каждый свою проблему. Сам он, вероятно, не допускал в себе мысли руководить университетом и быть не на уровне. Поэтому много читал, был в курсе многих вещей.

Кенжебек Рустенбеков: - Возвращаясь к наставлениям Евнея Арстановича, приведу еще одно: если хочешь действительно стать образованным, интеллигентным человеком, должен заниматься не только химией и металлургией, но интересоваться культурой, политикой, экономикой, словом, всеми сторонами жизни. И, конечно, читать художественную литературу. Сказав это, он спросил, читаю ли я. Я честно признался: от случая к случаю. Тем более я окончил казахскую школу, казахское отделение вуза. Он посоветовал мне начать с Толстого, именно с “Анны Карениной”. Я начал читать, потом отложил. Через месяц-другой мы встретились - я принес ему результаты работы, и он неожиданно спросил меня, как начинается “Анна Каренина”. Я растерялся и ответил не сразу, теперь не забуду это начало, про счастливые и несчастные семьи, никогда. Но после того случая я всегда был готов ответить на любой его вопрос. И еще. Мне, конечно, очень повезло на протяжении семнадцати лет быть рядом с ним. Несколько раз пришлось сопровождать его в поездках по сбору материала об академике Каныше Сатпаеве, тем более Сатпаев баянаульский, нашего рода каржас. И я там действительно ему помогал. Знаете, он очень уважительно относился к простым людям, останавливался не у директора совхоза или другого начальника, а у рядовых жителей. Его везде уважали.

5. Наследие

Строго говоря, из шестерых, собравшихся в музее, беседовали пятеро. Шестой - Камзабай Букетов, друг и брат академика, слушал молча. Но обойти вниманием первого (и по хронологии, и по значимости) биографа Евнея Арстановича Букетова будет неправильно. Поэтому за Камзабая Арстановича скажут его дела, изложенные в кратком отчете в качестве ответа на вопрос: что сделано и делается для сохранения наследия академика Евнея Арстановича Букетова. В книге “Друг мой, брат мой” Камзабай Букетов пишет: “Евней Арстанович... был не только крупным ученым в области

химии и металлургии, но и писателем, литературным критиком, прекрасным переводчиком, публицистом и поэтом...” Остается добавить, что сейчас все научные и литературные произведения, написанные академиком, собраны в шеститомник, изданный КарГУ в 2005 году, а в 1992-м открыт его мемориальный музей. Во всем этом - заслуга Камзабая Букетова. Эти достижения потребовали немало мужества, особенно в первые годы после безвременной смерти академика, подвергшегося гонениям, лишенного возможности публиковаться по прямому запрету свыше. И в том, что книга Медеу Сарсеке, написанная на казахском языке, была издана на русском в серии “ЖЗЛ”, большая заслуга сотрудников музея, руководимого его “другом и братом”. Встреча, которую я описываю, тоже организована им. В годы, когда поле его деятельности было искусственно сужено, когда, как пишет К. Букетов, вокруг него “создался вакуум”, ученики не оставляли его. Что делают они для него сейчас?

Кенжебек Рустенбеков: - Первую свою вводную лекцию я всегда начинаю с научной школы и воспоминаний об Евнее Арстановиче Букетове. Я говорю: “Наш университет носит его имя, а кто он есть, какова его научная школа, его музей, я вам расскажу”. Мысленно мы посвящаем ему все наши научные работы, связанные с халькогеном. Своим доцентам я говорю: “Я его научный сын, вы внуки, а ваши ученики будут его правнуками”. Имя и дело Евнея Арстановича, считаю, будут жить вечно.

Таисия Савченко: - К сожалению, мы не ценим то, что называется краеведением. Я имею в виду то, что в нашем крае есть значительного даже в художественном творчестве. Надеемся, что придут потомки и все перевероят, но ведь история творится здесь и сейчас, и надо уже заниматься этой работой. Конечно, мы должны изучать наследие Евнея

Арстановича и мы это делаем, но в недостаточном объеме. Может быть, потому, что снизился интерес к гуманитарным знаниям. Хотелось бы думать, что это временное явление.

6. Нам его не хватает

Виталий Малышев: - Сейчас очень актуальная проблема - “казахстанское присутствие”. Серик Ахметов дважды после того, как заступил на должность акима области, говорил об этом. На встрече в “АрселорМиттал Темиртау” аким спросил, почему используются только зарубежные разработки, почему не подпускают казахстанских ученых? Через некоторое время в корпорации “Казахмыс” он спросил о том же, а ему преподнесли уже готовые проценты казахстанского содержания... Я подумал: “А что, разве в шестидесятые годы не было этой проблемы?” Поначалу на Балхашском комбинате, потом на Жезказганском комбинате отсутствовало “казахстанское присутствие”, а были москвичи, ленинградцы: “Генцветмет”, “Гипроцветмет”, всего сорок мощных организаций со всего Союза. Требовалось наше казахстанское присутствие реализовать - наши разработки, технологии. Евней Арстанович Государственную премию СССР получил в шестидесятые годы - вот какое присутствие он сделал, и он это первый сделал! Он был мастером во всех делах, в том числе в этом. Присутствие делалось так. Когда у нас появлялись какие-то технологические идеи, он организовывал все это дело и потом с этой идеей отправлялся на завод. Он берет нас, младших научных сотрудников, молодежь всю, и выезжает. И он встречается не с директором, а на уровне чуть ли не мастера. Он, директор института, идет к заведующему исследовательской лабораторией. А ведь как дело происходит? Любое предложение обсуждается на техническом совете. И если сразу предложить на техсовете какую-то технологию, наверняка она не пройдет. Руководитель совета спрашивает мнение у всех, а все уже завязаны с москвичами, с ленинградцами, к тому же они перестраховываются, чтобы ничего не менять. Так вот Евней Арстанович взял за правило сначала неукоснительно встречаться с младшим персоналом. После таких встреч все они были на корню его. Потому что он человек более широкого масштаба, умеющий убеждать. Букетов оказывал огромное влияние, вызывал огромное уважение. И на техсовете все его поддерживали. Вот и казахстанское присутствие. Это был и для нас большой урок. Он скромненько сидит и, когда предоставляется слово, начинает излагать, затем обращается ко мне: “Продолжайте, Виталий Павлович”. А я первый раз в жизни на техсовете, ночь не спал, готовился. Но выступать в атмосфере наибольшего благоприятствования совсем другое дело, успех окрыляет молодых. Все получается - хозяйственный договор, разработка, испытание, внедрение. Вот его стиль казахстанского присутствия в те времена. Сейчас нас иностранцы не пускают. Сколько раз мы пытались! Встречаемся в Темиртау, объясняем: выгода большая, понимаете? Скажем, ваши

подшипники на прокатных станах служат два месяца, стоят они по три тысячи долларов каждый, а благодаря предлагаемой нами смазке они будут служить в два раза дольше. Они отвечают: “А нам это не надо”. Почему? Это же выгодно! “А у нас долгосрочный контракт с германской фирмой, и если мы расторгнем его, нам от этого будет больше санкций, чем прибыли от вашей смазки. Тут, конечно, нужен такой человек, как Букетов.

- **Вы думаете, Евней Арстанович изменил бы ситуацию?**

- Запросто! Он бы в обнимку с ними ходил.

Букетов university